

Вечер сочельника

В сочельник детям доктора Штальбаума целый день не позволяли входить в гостиную и уж тем более в примыкавший к ней зал.

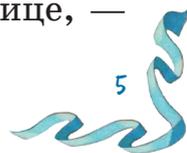
Фриц и Мари забились в уголок дальней комнаты, и им сделалось довольно жутко, когда стало смеркаться, а никто так и не принёс лампу, как это обычно бывало по вечерам.

Фриц таинственным шёпотом рассказывал младшей сестрёнке (ей только что исполнилось семь лет), что он с раннего утра слышал, как в запертых комнатах шуршат, шумят и что-то тихонько приколачивают. А не так давно он видел, как в прихожую прошмыгнул низенький тёмный человечек с большим ящиком под мышкой; он отлично знает, что это не кто иной, как крёстный Дроссельмайер.

Мари от радости всплеснула ручками и воскликнула:

— Ах, наверняка что-то хорошенькое приготовил для нас крёстный!

Советник суда отнюдь не был красив: небольшого роста, худой, со множеством морщин на лице, —

а правый глаз закрывала чёрная накладка. К тому же Дроссельмайер был совершенно лыс, поэтому носил превосходный светлый парик очень искусной работы.

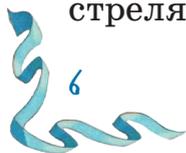
Крёстный, мастер на все руки, даже в часах понимал толк и мог их чинить. Когда в доме Штальбаумов выходили из строя часы, тотчас являлся Дроссельмайер, снимал парик, скидывал свой жёлтый сюртучок и, подвязав синий фартук, принимался тыкать в механизм часов острыми палочками.

Маленькой Мари было очень жаль часы, однако манипуляции крёстного не приносили им никакого вреда — напротив, после ремонта они весело тикали и певуче отбивали удары, чем доставляли большую радость всем членам семьи.

Всякий приход крёстного радовал детей, потому что в его карманах всегда оказывалось что-нибудь интересное: то смешной человечек, вращающий глазами и любезно раскланивающийся, то табакерка, из которой выскакивает птичка, то ещё что-нибудь забавное. К Рождеству он всегда мастерил особенные игрушки, которые стоили ему немалых трудов, поэтому, как только он вручал их детям, родители тут же убирали подарки под замок.

— Ах, что же для нас приготовил крёстный на этот раз! — в нетерпении воскликнула Мари.

Фриц полагал, что это непременно будет крепость, где проводят учения и маршируют взад-вперёд brave солдаты, пока на них не нападут другие солдаты, чтобы овладеть крепостью. Тут начинается бой: стреляют из пушки, летят снаряды...

— Нет-нет, — перебила его размышления Мари. — Крёстный говорил про сад и большое озеро в нём, по которому горделиво плавают лебеди с золотыми ленточками на шее и поют волшебные песни. Из сада к озеру приходит маленькая девочка, подзывает лебедей и кормит сладким марципаном.

— Лебеди марципан не едят, — довольно резко заметил Фриц, — да и не может крёстный сделать ничего подобного. И собственно говоря, что толку от его игрушек, если их сразу же отбирают. Я гораздо

больше люблю подарки от родителей — они у нас остаются, и мы можем делать с ними что хотим.

И дети принялись гадать, что подарят на этот раз мама и папа. Мари полагала, что Гертрудочка (её большая кукла) страшно изменилась, так как с каждым разом всё неудачнее и неудачнее падает на пол, что всегда отвратительно сказывается на её лице, а о чистоте платьев уж не приходится и думать. Самые строгие выговоры ни к чему не ведут. Кроме того, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась маленьким зонтиком у Гретхен. Фриц же, со своей стороны, уверял, что в его конюшне не хватает рыжего коня, а в его войсках совсем нет кавалерии, и папа отлично об этом осведомлён. Дети знали наверняка, что родители приготовили прекрасные подарки, которые теперь расставляют у ёлки, но вместе с тем им было известно, что Младенец Христос приветливо смотрит на них своими кроткими детскими очами и что рождественский подарок, к которому как будто прикоснулась благодатная рука, бывает милее всякого другого.

Дети, продолжая шёпотом обсуждать подарки, которые хотели бы получить от родителей, вспомнили, как старшая сестра Луиза говорила: сам Христос руками родителей дарит детям то, что доставит им самое большое удовольствие — а уж это он знает гораздо лучше, чем сами дети, — поэтому они должны не мечтать и гадать, а спокойно и скромно дожидаться подарков.

Мари призадумалась, но Фриц не удержался и пробормотал:

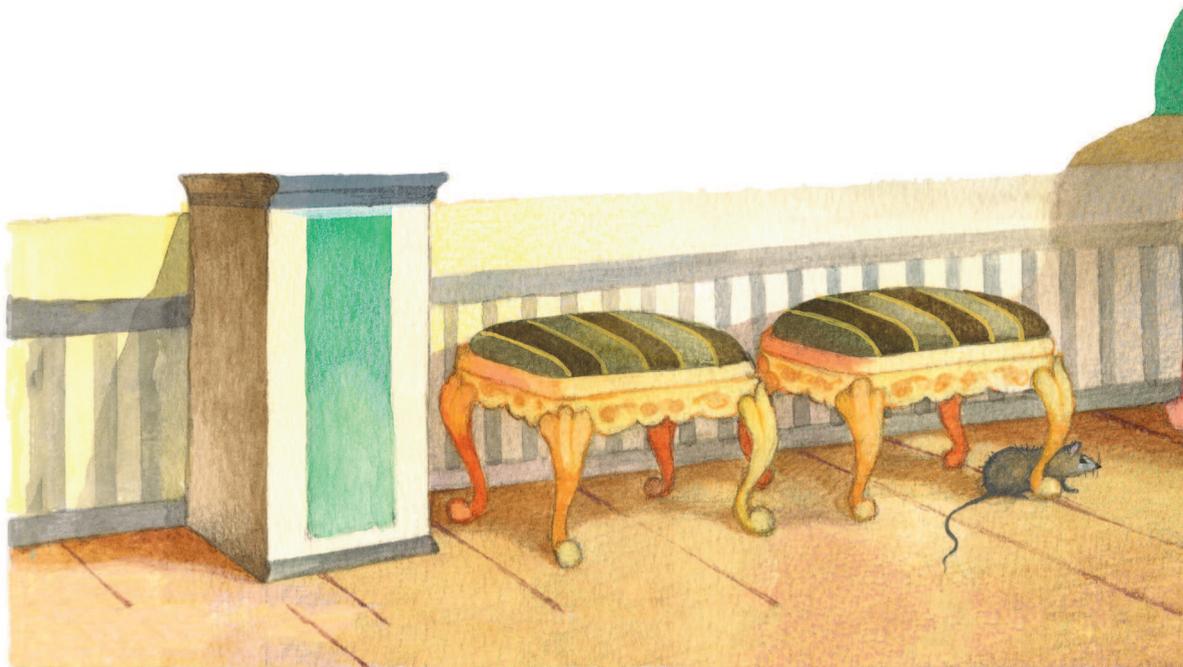

— А всё-таки хорошо бы получить коня и гусар!
Совсем стемнело. Прижавшись друг к другу, дети уже не смели разговаривать: им казалось, что вокруг раздаётся шорох чьих-то лёгких крыльев, а откуда-то совсем издали доносятся звуки чудной музыки. По стене пробежал светлый луч, и брат с сестрой поняли, что это Младенец Христос на сияющих облаках полетел к другим счастливым детям.

В ту же минуту раздался серебристый звон: «Динь-дон, динь-дон» — двери распахнулись, и из большой комнаты хлынул такой поток света, что Фриц и Мари в восхищении замерли на пороге.

Вошли родители и, взяв детей за руки, пригласили в гостиную:

— Ну, идите, детки, посмотрите, что вам подарил Младенец Христос.

Чудо механики

Обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель или слушатель. Не важно, как тебя зовут: Фриц, Анна, Эрнест или как-то иначе. Вспомни своё последнее Рождество, множество подарков и тотчас представишь, как были ошеломлены дети. Лишь спустя некоторое время Мари с глубоким вздохом воскликнула:

— Ах как хорошо! — А Фриц несколько раз радостно подпрыгнул так высоко, как только мог.

Должно быть, дети в этом году вели себя особенно хорошо и скромно, поскольку никогда ещё не получали столько замечательных, великолепных подарков. На стоявшей посреди комнаты большой ёлке висели золотые и серебряные яблоки, и все её ветки были усыпаны, как цветами, леденцами, засахаренным миндалём и другими лакомствами. Но самыми красивыми на волшебном дереве были сотни весело сиявших, подобно маленьким звёздочкам, огоньков, которые радушно приглашали детей срывать

цветы и плоды с ёлки. Всё сверкало и вокруг лесной красавицы: уж что за чудные вещи здесь были — вряд ли кто сумел бы и описать! Мари заметила хорошеньких кукол, всевозможную посуду, но что показалось ей самым запоминающимся — так это красивое шёлковое платье, отделанное разноцветными лентами. Оно так удачно висело на плечиках, его можно было рассматривать со всех сторон, что Мари и делала, не переставая восклицать:

— Ах какое чудное, милое платье! И мне его можно будет надеть — правда можно?

Тем временем Фриц уже три или четыре раза попробовал то галопом, то рысью объехать вокруг стола на своём новом коне, которого нашёл, уже в полном снаряжении, у стола с подарками. Спешившись, он объявил, что это очень горячий скакун, но это не беда и он отлично с ним справится, и устроил смотр своему новому гусарскому эскадрону, где солдаты были в красных с золотом мундирах и с серебряными саблями, а лошади казались сделанными из чистого серебра.

Немного успокоившись, дети решили посмотреть книги с картинками: редкостные цветы, люди в разноцветных нарядах и играющие дети были так хорошо изображены, что казались живыми, — но только взяли первую книжку, как снова звякнул колокольчик. Фриц и Мари поняли, что настал черёд подаркам крёстного Дроссельмайера, и подбежали к стоявшему у стены столу.

Ширму, что долго загораживала стол, наконец отодвинули, и такое великолепие предстало глазам

детей! На зелёном цветущем лугу возвышался чудный замок с зеркальными окнами и золотыми башнями.

Вдруг раздался звон колокольчиков, двери и окна распахнулись, и стало видно, как по залам замка прогуливаются изящные крошечные кавалеры под руку с дамами в шляпках, украшенных перьями и вуалями. В среднем зале, который от множества крохотных свечей, горевших в серебряных люстрах, казался огненным, в такт звону колокольчиков танцевали дети. Какой-то господин в изумрудном платье часто выглядывал из окна и потом снова исчезал, а сам крёстный Дроссельмайер (только величиной с папин большой палец) время от времени выходил из дверей замка и, постояв, снова уходил внутрь.

Облокотившись на стол, Фриц некоторое время понаблюдал за обитателями замка и вдруг спросил:

— Крёстный, а можно мне туда войти?

Конечно же, это совершенно невозможно: ведь замок вместе со всеми своими золотыми башнями был гораздо меньше Фрица.

Через некоторое время мальчику наскучило смотреть, как кавалеры и дамы всё так же прогуливаются, дети — танцуют, зелёный человечек — выглядывает из того же окошка, а крёстный Дроссельмайер выходит из двери, и он нетерпеливо выкрикнул:

— Крёстный, ты хоть бы вышел из другой двери!

— Это невозможно, мой милый Фриц, — ответил советник суда.

— Ну так заставь того зелёного человечка, что высовывается из окошка, прогуляться с другими по замку.

— И это невозможно.

— Ну, если так, то пусть хоть дети выйдут наружу: мне хочется как следует их рассмотреть, — упорствовал мальчик.

— Ничего из этого сделать нельзя, — рассердился советник. — Так устроен механизм.

— Вот как... — разочарованно вздохнул Фриц. — Значит, твои расфранчённые куколки в замке больше ничего не могут? Но это же неинтересно. То ли дело мои гусары: скажут, куда прикажу я, а не сидят взаперти в доме.

Не дождавшись ответа крёстного, мальчик подбежал к столу с подарками и принялся за своих гусар на серебристых конях: по его команде те гарцевали, нападали, отдавали честь и стреляли.

Мари тоже скоро наскучило наблюдать за однообразными движениями и танцами куколок в замке, но, будучи девочкой доброй и деликатной, она не стала шуметь и возмущаться, как братец, а тихонько отошла в сторону.

Советник Дроссельмайер обиделся и заявил родителям:

— Дети ещё очень глупы и ничего не смыслят, так что игрушку я заберу.

Но тут в дело вмешалась мама, отлично умевшая находить выход из любой ситуации, и попросила его рассказать, как устроен чрезвычайно сложный механизм игрушки.

Советник с готовностью всё разобрал и потом опять собрал, после чего снова пришёл в отличное расположение духа и подарил детям несколько великолепно благоухающих кукол из пряничного теста, с золотыми лицами, руками и ногами. Фриц и Мари очень обрадовались.

Сестра Луиза, по желанию матери нарядившаяся в подаренное платье, выглядела в нём красавицей, но когда на Мари тоже захотели надеть обновку, девочка попросила разрешения ею полюбоваться ещё немножко.

Прелюбопытнейший подарок

Н а самом же деле Мари не могла оторваться от стола с подарками, поскольку отыскала нечто весьма необычное. Гусары Фрица своим парадным строем до поры заслоняли преинтересного человечка, и он тихо и скромно стоял у самой ёлки, как будто спокойно дожидаясь, пока очередь дойдёт и до него.

Рассмотреть фигурку Мари смогла как следует, лишь после того как братец принялся играть со своим войском. Красотой человек не отличался: длинная и довольно крепкая верхняя часть туловища совсем не соответствовала маленьким тоненьким ножкам, да и голова казалась слишком большой, — зато приятное впечатление произвела опрятная одежда, явно указывавшая на образованность и вкус своего обладателя. Щёгольскую гусарскую фиолетовую куртку украшало множество белых шнурков и пуговиц, а великолепнейшие сапоги

так плотно обхватывали его маленькие ножки в панталонах, что казались нарисованными. Узкий, уродливый, казавшийся деревянным плащ, прикреплённый к спине, и нелепая чёрная шапочка на голове дополняли костюм человечка, однако никак с ним не сочетались и выглядели немного смешно.

Тут Мари подумала, что ведь и крёстный Дроссельмайер носит скверный сюртук и отвратительную шляпу, однако добрый и очень милый, хотя, конечно, ему никогда не стать таким пригожим, как этот человечек, во что бы ни нарядился. Чем дольше девочка смотрела на славного человечка, тем больше он ей нравился. Мари заметила, что у него добродушное выражение лица, а взгляд светло-зелёных, немного навывкате глаз приветлив и доброжелателен. Ему очень шла волнистая бородка из белого хлопка, как нельзя лучше оттенявшая приятную улыбку ярко-красных губ.

Оторвавшись наконец от созерцания игрушки, Мари воскликнула:

— Папенька, а кому принадлежит вот этот прелестный человечек?

— Это, голубушка, общий подарок для всех. Его обязанность — колоть твёрдые орехи.

С этими словами герр Штальбаум осторожно взял фигурку со стола, и, когда приподнял деревянный плащ, человечек широко-широко разинул рот и показал два ряда острых белых зубов. Доктор предложил Мари вложить человечку в рот орех, и тот — крак! — его раскусил. Посыпалась шелуха, а сладкое ядро упало в руку Мари.

Тут уж каждому стало ясно, что это Щелкунчик.

Мари пришла в неопиcуемый восторг, и герр Штальбаум сказал:

— Ну, доченька, если Щелкунчик так тебе понравился, ты и возьми его под свою опеку, хотя, как я уже говорил, пользоваться им имеют право все.

Мари тотчас принялась давать Щелкунчику орехи, но специально выбирала самые маленькие, чтобы ему не приходилось так широко раскрывать рот, что, в сущности, было не очень-то красиво. Вскоре к ней присоединилась Луиза, и Щелкунчик с большим удовольствием наколот орехов и для неё.

Между тем Фриц, устав от долгой верховой езды и воинской муштры, услышал веселое щёлканье орехов и подбежал к сёстрам. При виде смешного человечка, который теперь стал переходить из рук в руки, он громко захохотал, но затем тоже решил поесть

орехов. Щелкунчику теперь приходилось безостановочно открывать и закрывать рот, только Фриц, в отличие от сестёр, выбирал самые большие и твёрдые орехи. И тут вдруг — крак-крак! — у Щелкунчика вылетело три зуба, а подбородок отвис и зашатался.

— Ах ты, мой бедный-бедный Щелкунчик! — вскрикнула Мари и выхватила фигурку у Фрица.

— Подумаешь!.. — фыркнул Фриц. — Какой он Щелкунчик, если у него даже крепких зубов нет. Давай-ка его сюда: пусть уж доламывает остальные зубы, бездельник!

— Нет, не отдам! — заплакала Мари. — Ты посмотри, как он жалобно на меня смотрит. А у тебя нет сердца: ты бьёшь своих лошадей и даже расстреливаешь солдат.

— Так и надо: должна быть дисциплина. А ты в этом ничего не понимаешь! — выкрикнул Фриц. — А Щелкунчик

не одной тебе принадлежит, так что давай-ка его сюда.

Но девочка быстро завернула фигурку в носовой платок и спрятала.

Шум ссоры привлёк внимание родителей и крёстного Дроссельмайера. К огорчению Мари, крёстный принял сторону Фрица, но герр Штальбаум возразил:

— Я совершенно определённо отдал Щелкунчика под опеку Мари, и, как теперь вижу, защита ему действительно нужна. Стало быть, с этого момента никто не должен его брать без её ведома. Кроме того, меня очень удивляет, как может военачальник требовать от раненого выполнения обязанностей.

Пристыженный Фриц, уже не обращая больше никакого внимания на орехи и Щелкунчика, тихонько проскользнул к другой стороне стола, где его гусары, выставив соответствующие передовые посты, устроились на ночёвку.

Мари собрала выпавшие у Щелкунчика зубы, подвязала ему челюсть белой ленточкой, которую

